

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.55>

Надеина Татьяна Михайловна, Чубина Елена Александровна

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И СУДЕБНОЕ РЕЧЕВЕДЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТОВ И ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Статья раскрывает различия между предметными областями юридической лингвистики и судебного речеведения. Показано, что предметная область юридической лингвистики в России определяется видами профессиональной деятельности юристов, а объектом является юридический дискурс. Объектом судебного речеведения может выступать любой дискурс, а предметная область определяется совокупностью специальных знаний, позволяющих выявлять лингвистические признаки, имеющие доказательственное значение для судопроизводства, основанные на достоверных научных фактах и полученные с использованием верифицируемых экспертных методик.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 263-269. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979. 219 с.
11. http://www.nashbulgakov.ru/books/mim_book (дата обращения: 08.02.2019).
12. <http://www.poetry-classic.ru/7-12.html> (дата обращения: 15.01.2019).

PARALLEL TIME AS A LITEME OF ARTISTIC TIME IN A LITERARY TEXT

Makarova Vera Alexandrovna, Ph. D. in Philology
Moscow Aviation Institute (National Research University)
Belief-m@yandex.ru

The article focuses on analysing the category of parallel time, which is for the first time identified as a special type of artistic time. The paper introduces a new term “liteme” to designate the semantic content and compositional location of each type of artistic time in the general chain of artistic time. The author for the first time identifies and describes peculiar traits and functional features typical of parallel time that is considered as a constituent of artistic time. Parallel time is analysed in relation to linguo-psychological temporal phases.

Key words and phrases: text; artistic time; parallel time; liteme; time proper; anti-time; pseudo-time.

УДК 81; 343

Дата поступления рукописи: 11.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.55>

Статья раскрывает различия между предметными областями юридической лингвистики и судебного рече-ведения. Показано, что предметная область юридической лингвистики в России определяется видами профессиональной деятельности юристов, а объектом является юридический дискурс. Объектом судебного речеведения может выступать любой дискурс, а предметная область определяется совокупностью специальных знаний, позволяющих выявлять лингвистические признаки, имеющие доказательственное значение для судопроизводства, основанные на достоверных научных фактах и полученные с использованием верифицируемых экспертных методик.

Ключевые слова и фразы: юридическая лингвистика; судебная лингвистика; правовая лингвистика; юридический дискурс; судебное речеведение.

Надеина Татьяна Михайловна, д. филол. н., профессор

Чубина Елена Александровна, к. пед. н., доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
tanadeina@yandex.ru; chubina@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И СУДЕБНОЕ РЕЧЕВЕДЕНИЕ: СООТНОШЕНИЕ ОБЪЕКТОВ И ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Развитие современного общества сопровождается ростом количества социальных запросов, ведущих к возникновению новых аспектов изучения языка и речи, т.е. новых предметных областей лингвистики. Одной из них является сфера взаимодействия языка и права. Для ее обозначения используются различные наименования: юридическая лингвистика, юрислингвистика и лингвоюрисдика, судебная лингвистика, правовая лингвистика, лингвокриминалистика, судебное речеведение, лингвистическая экспертиза и др. Возникают закономерные вопросы: какое содержание вкладывают авторы в эти понятия, какие объекты внешней действительности изучаются ими и в каких аспектах, в чем их сходства и различия, насколько вообще правомерно употребление каждого из них?

Цель данной статьи – попытка дать ответы на поставленные вопросы путем анализа объектов и предметных областей указанных исследовательских направлений. **Актуальность** такого анализа определяется отсутствием единой системы понятий и унифицированной терминологии в лингвоправовой сфере, что препятствует дальнейшему плодотворному развитию этого весьма востребованного направления теоретической и прикладной лингвистики. **Новизна** исследования заключается в самой постановке проблемы, поскольку до настоящего времени сколько-нибудь основательного сравнительно-сопоставительного анализа объектной и предметной областей юридической лингвистики и судебного речеведения не проводилось. Выявление различий в методологических подходах к исследованию речевого материала, а также дифференциация собственно лингвистических и специальных экспертных знаний будут способствовать повышению качества лингвистических экспертиз и оптимизации процесса подготовки специалистов в этой сфере, что определяет практическую значимость предпринятого нами исследования.

Поскольку институализация данного раздела лингвистики произошла в зарубежной науке, то целесообразно начать изложение с краткой истории вопроса.

Краткая история становления зарубежной forensic linguistics¹

В историческом аспекте потребность в привлечении лингвистов к судебным разбирательствам была вызвана необходимостью разрешения различных спорных ситуаций во время следствия и/или судебного

¹ Мы намеренно не приводим здесь русский эквивалент данного английского термина, поскольку существуют разные варианты его перевода. Исследователи называют эту сферу деятельности по-разному в зависимости от собственного понимания предметной области.

разбирательства [1]. Центрами становления юридической лингвистики явились страны англосаксонского права (в первую очередь США и Великобритания). В Великобритании импульсом для такого взаимодействия послужили проблемы, возникающие в ходе допроса свидетелей (проблема аутентичности свидетельских показаний); в США – проблемы, связанные с процессом допроса (дело Э. Миранда, 1963 г.), а также судебные разбирательства по поводу торговых марок (*McDonalds* к компании *Quality Inns International*); в Австралии – трудности, возникающие во время допросов австралийских аборигенов, которые плохо понимали “white English”, поскольку владели креольским языком периода ранней колонизации.

Характерным для всех англосаксонских стран, по мнению Э. В. Будаева, является то, что лингвисты взаимодействовали с органами правопорядка на добровольных началах и иногда выступали с экспертными заключениями, которых от них не требовали, что нередко приводило к игнорированию экспертных мнений лингвистов. Иначе строились отношения между лингвистами и юристами в Германии, где лингвисты изначально работали в тесном взаимодействии с органами правопорядка, что позволило избежать ошибок следствия и судебных решений, с которыми столкнулись в США и Великобритании [Там же]. Примечательно, что именно Федеральное ведомство уголовной полиции Германии организовало первую конференцию по юридической лингвистике в 1988 г.

Считается, что впервые термин *forensic linguistics* для обозначения области пересечения лингвистики и права был употреблен Яном Свартвиком [23] в 1968 г., хотя лингвистические исследования в судебных целях в разных странах проводились задолго до этого. В частности, такие направления, как судебная фонетика и атрибуция текстов, имеют достаточно длительную историю, в том числе и в России.

Одной из ранних работ в области *forensic linguistics* можно считать монографию Дэвида Мелинкоффа «Язык закона» (“The Language of the Law”) [21], в которой американский исследователь, имевший большой опыт участия в судебных заседаниях, предложил новый взгляд на язык права, призывая совмещать пресловутую «точность» юридического языка со здравым смыслом и нормами естественной речи [1].

Окончательно термин *forensic linguistics* закрепился за областью взаимодействия лингвистов и правоведов, когда была образована Международная ассоциация юридической лингвистики (1993), а в 1994 г. начал выходить специализированный журнал “Forensic Linguistics”, который в 2003 г. был переименован в “International Journal of Speech, Language and the Law” («Международный журнал по речи, языку и праву»). Новое название отразило не только расширение географического ареала распространения данной научной дисциплины, но и расширение ее предмета [Там же, с. 9].

Таким образом, зарубежная юридическая лингвистика первоначально формировалась как **судебная лингвистика**, чему соответствует буквальное значение словосочетания *forensic linguistics* в переводе на русский язык.

Основные направления современной зарубежной *forensic linguistics* охарактеризованы в «Справочнике по судебной лингвистике» (“The Routledge Handbook of Forensic Linguistics”) [25]; «Оксфордском справочнике по языку и речи» (“The Oxford Handbook of Language and Law”) [24]. Краткое изложение содержания указанных работ содержится в работе Н. П. Глинской [3], которая выделила три основных направления: когнитивно-семиотическое, коммуникативно-прагматическое и судебно-экспертное.

В рамках когнитивно-семиотического направления решаются проблемы, связанные со спецификой юридических концептов и их материальных субстратов – юридических терминов, где акцент делается на национально-культурном характере их формирования и функционирования.

Коммуникативно-прагматическое направление представлено исследованиями, посвященными анализу функционирования языка в судебном процессе, который рассматривается в трех измерениях, в понимании Н. П. Глинской это: 1) профессиональная компетентность потерпевших, свидетелей, судей, экспертов; 2) стадия судебного процесса – допрос, дача свидетельских показаний, инструктирование суда присяжных и т.д.; 3) уровень юрисдикции суда – первая или высшая инстанции. Изучаются также языковые и жанровые особенности юридических документов, законодательных актов, судебных решений, качество юридического перевода в судебном процессе.

В рамках судебно-экспертного направления изучаются методы лингвистической экспертизы, в том числе методики распознавания автора текста по фонетическим, графологическим, лексико-грамматическим, морфолого-синтаксическим и прагматическим особенностям анализируемого текста [Там же, с. 155]. Характеризуя это направление, автор, ссылаясь на статью Р. Шуи [22], отмечает, что «проблематика судебной лингвистической экспертизы в западной юрислингвистике отличается наименьшей разработанностью» [3, с. 155-156].

Таким образом, в зарубежной традиции термин *forensic linguistics* является зонтичным, объединяющим отдельные, относительно самостоятельные направления исследований современного лингвоправового пространства [1, с. 7].

Предметные области российских исследований лингвоправового пространства

В российском профессиональном сообществе наиболее распространенным аналогом термина *forensic linguistics* является термин «юридическая лингвистика». По нашему мнению, помимо расширения предметной области, это может объясняться еще и тем, что в англосаксонской правовой системе основным источником права является судебный прецедент, т.е. вынесенное судом по конкретному делу решение, обоснование которого становится правилом, обязательным для всех судов той же или низшей инстанции при решении аналогичного дела. Таким образом, суды не только применяют, но и создают нормы права. Континентальная правовая система (романо-германская), которая действует и в России, устроена иначе. В ней основным источником права являются не судебные прецеденты, а нормативно-правовые акты. Поэтому более органичным для западной правовой системы, ориентированной на британскую, является термин «судебный», а для российской – термин «юридический».

Однако в России содержание понятия «юридическая лингвистика», ее цель и задачи определяются по-разному. Приведем в качестве примера дефиниции, представленные в научной литературе.

Одно из первых определений является весьма пространным: «Юридическая лингвистика представляет собой достаточно новую область науки, объектом которой является взаимодействие языка и закона, а предметом – юридические аспекты языка» [4, с. 12]. Далее предметная область конкретизируется, и предлагаются разные наименования для отдельных аспектов изучения: «Объектом юрислингвистики и лингвоюристики являются взаимоотношения языка и закона: отношение языка к закону изучает юрислингвистика, а закона к языку – лингвоюристика; юридический аспект языка – предмет юрислингвистики, языковые аспекты права – лингвоюристики» [Там же].

Существуют дефиниции, в которых предметная область, на наш взгляд, расширяется неправомерно: «Юридическая лингвистика изучает язык государства (как статусную единицу, как объект языковой политики государства и т.д.) и язык права (как специализированную терминосистему, как элемент обслуживания юридической сферы, как объект следственного и судебного разбирательства и т.д.)» [9, с. 59]. Здесь в предметную область включаются язык государства и языковая политика, что традиционно является объектом изучения социолингвистики.

Более поздние определения отражают современное представление об объекте и предмете изучения юридической лингвистики.

«Предметом юридической лингвистики является исследование использования языка в праве и правовой науке. <...> Объектом юридической лингвистики является специфика использования языка, исследуемая во всем многообразии проявления правовой жизни общества» [19, с. 70].

«Юридическая лингвистика – научная дисциплина, изучающая филологическое обеспечение профессиональной юридической деятельности в различных ее проявлениях (законотворчество, культура речи и красноречие юристов и судебных деятелей, судебная экспертиза текста)» [12, с. 377].

В то же время существуют дефиниции, демонстрирующие, по нашему мнению, слишком упрощенное и не вполне релевантное понимание предметной области юридической лингвистики. Вот пример. «Юрислингвистика как раздел науки о языке в широком смысле преследует цель изучения текста, в узком понимании – это составление лингвистических экспертиз» [6, с. 305]. Неясно, о каком «тексте» (пусть даже в широком смысле) здесь идет речь, а также почему «составление лингвистических экспертиз» является конечной целью (в узком смысле) юридической лингвистики.

В этой же связи целесообразно упомянуть учебное пособие З. К. Тарланова под названием «Юридическая лингвистика» [18], в котором глава «Судебная лингвистика как прикладная отрасль языкознания» является единственной (четвертой из пяти), имеющей непосредственное отношение к предметной области юридической лингвистики, а остальные главы представляют собой изложение содержания классической лингвистической дисциплины «Стилистика русского языка и культура речи». Эта глава по объему занимает 24 страницы (при общем объеме учебного пособия 180 страниц) и включает параграфы о правописании собственных имен, о речевом портрете личности, языке как детекторе лжи, установлении авторства текста и культурно-языковых табу, которые в общих чертах знакомы учащимся с предметной областью юридической (судебной) лингвистики. На наш взгляд, такая непропорциональность между содержанием и названием учебного пособия вряд ли правомерна, и более корректным было бы назвать это учебное пособие «Русский язык и культура речи для юристов».

Однако, несмотря на обозначенные нами несоответствия в трактовке содержания понятия «юридическая лингвистика», можно сделать вполне определенный вывод о том, что основным объектом этого направления исследований является юридический дискурс.

Дискурс в широком понимании – это «речь, погруженная в жизнь» [10, с. 137]. Дискурс реализуется в любой сфере жизнедеятельности человека. Наряду с юридическим, различают политический, экономический, публицистический, медицинский и многие другие виды дискурсов, которые обусловлены коммуникативными ситуациями в различных сферах социальной жизни. Юридический дискурс «представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» [13, с. 535]. Другими словами, «юридический дискурс – форма институционального общения юристов в их профессиональной деятельности» [14, с. 26]. Особенности права как регулятивного явления определяют функции юридического дискурса и особенности действий его участников.

В сфере юриспруденции выделяются такие виды деятельности, как законотворческая, интерпретационная, правоприменительная, консультативная, судебная и др., каждая из которых соотносится с отдельным подвидом юридического дискурса. В частности, например, судебный дискурс связан с судебной деятельностью и представляет собой подвид юридического дискурса.

Подобная разнородность юридического дискурса приводит к тому, что его разные подвиды получают соответствующее название и позиционируются исследователями как самостоятельные научные направления. По этой причине возникают такие наименования, как «судебная лингвистика», «правовая лингвистика», «лингвокримнология» и т.п.

Проблема, однако, заключается в том, что исследователи-лингвисты зачастую не видят различий между понятиями «судебный» и «юридический», «судебный» и «правовой», «юридический» и «правовой» и т.д. и употребляют их расширительно в качестве синонимов.

Так, например, в статье С. В. Швеца «Судебное языкознание» [20] рассматриваются основные его направления, к числу которых автор относит: язык законов (изучение правил создания правовых конструкций), толкование правовых норм, юридический перевод. Очевидно, что здесь речь идет в целом о юридическом дискурсе.

Приведем другие примеры. Статья С. Ю. Максимовой и К. В. Мацопы называется «Актуальные проблемы правовой лингвистики» [11], в тексте же статьи речь идет о содержании и задачах юридической лингвистики, а термин «правовая» вообще не употребляется.

В статье М. А. Костенко «Правовая лингвистика в законотворческом процессе» [8, с. 127] показан подход к анализу текстов нормативно-правовых актов, которые в целом представляют собой один из подвидов юридического дискурса.

Здесь целесообразно остановиться на различиях между понятиями «юридический» и «правовой».

Термины «юридический» и «правовой» используются часто как синонимы не только лингвистами, но и юристами (показательно название мероприятия – «Всероссийский правовой (юридический) диктант – 2018»).

Оба понятия отражают одно и то же множество предметов и явлений, т.е. их объемы совпадают, однако полными синонимами они не являются, а отражают различные стороны этого множества.

В «Словаре современного русского литературного языка» [17] термин «юридический» определяется следующим образом:

- (1) Связанный с законодательством, правовыми нормами и практическим применением их.
- (2) Такой, который имеет официальное, формальное право на что-либо.
- (3) Относящийся к юристу; состоящий из юристов.

В свою очередь, термин «правовой» определяется как «относящийся к праву (право в 1-м и 2-м значениях)», т.е. как относящийся к «совокупности устанавливаемых применяемых государством норм, правил, регулирующих общественные отношения между людьми, взаимоотношения людей в каком-либо обществе и выражающие волю господствующего класса» (право в 1-м значении), и как относящийся к «предоставляемым законом государства свободам, возможности совершать, осуществлять что-либо» (право во 2-м значении).

Кроме того, термины «юридический» и «правовой» характеризуются разной лексической сочетаемостью. Нельзя заменить «правовой» на «юридический» в конструкциях: *правовая семья, правовая система, правовой идеализм, правовой институт, правовой обычай, правовой порядок* и – с другой стороны – нельзя заменить «юридический» на «правовой» в конструкциях: *юридическое лицо, юридический форс-мажор, юридические факты, юридическая техника, юридические конструкции* и пр.

На наш взгляд, по своей семантике термин «юридический» все же шире, чем термин «правовой». В связи с этим замену термина «юридическая» термином «правовая» в сочетании «юридическая лингвистика» нельзя признать синонимичной. Содержание понятия «юридическая лингвистика» шире, чем у понятия «правовая лингвистика».

Что же касается содержания понятия «лингвокриминалистика», то оно определяется, в частности, следующим образом: «Термин лингвокриминалистика имеет три значения: 1) раздел науки о языке, изучающий текст для юридических целей; 2) раздел языковедческой науки, обучающий составлению судебных лингвистических экспертиз; 3) раздел науки о языке, изучающий социолингвистические аспекты криминальной субкультуры» [5, с. 497].

Как видим, это определение не содержит ничего принципиально нового по сравнению с тем, что было сказано выше о содержании понятия «юридическая лингвистика», кроме пункта о «социолингвистических аспектах криминальной субкультуры», что традиционно является предметом изучения социолингвистики и только косвенным образом относится к проблематике юридической лингвистики.

Кроме того, необходимо отметить, что правомерность использования такого термина, как «лингвистическая криминалистика», отрицается в криминологии и криминалистике, поскольку это научное направление использует выявленные какой-либо предметной наукой закономерности в судебно-экспертной деятельности [15] и не является ни методологией, ни объектом/предметом этой конкретной науки. Другими словами, не существует химической, физической, биологической и т.д. криминалистики. Следовательно, лингвистика в сущности предоставляет лингвистическое обеспечение для криминалистических исследований речи, проводимых с использованием специальных методов.

Подводя итог краткому обзору лингвистических исследований юридического дискурса, можно сделать вывод о том, что термин «юридическая лингвистика» также можно считать зонтичным, объединяющим различные направления и аспекты анализа юридического дискурса, которые и составляют различные **предметы** исследований, к числу которых относятся следующие:

1) изучение и установление языковых норм в правоведении, разработка стилистических предписаний к правовым текстам, а также языковых требований к составлению официальных документов (включая нормативно-правовые акты и иные документы, исходящие от государственных и негосударственных учреждений и должностных лиц) и т.п.;

2) изучение судебных речей, риторических приемов и приемов аргументации, ораторское мастерство, манипулятивные техники;

3) толкование законов и правовых норм, исследование языковых закономерностей и внеязыковых критериев, позволяющих истолковать текст;

4) изучение юридической терминологии, разработка требований к юридическим терминам и законодательным дефинициям, в частности, в связи с критериями понятности и однозначности;

- 5) юридический перевод, критерии его аутентичности, эквивалентности и адекватности;
- 6) лингвистические экспертизы.

Как можно заметить, каждый из перечисленных аспектов, в свою очередь, входит в предметную область какого-либо раздела внешнего языкознания. Первое направление непосредственно связано со стилистикой, второе – с риторикой, третье – с когнитивной лингвистикой, четвертое – с терминоведением, пятое – с переводоведением. Каждая из указанных языковедческих дисциплин имеет собственный научно-методологический аппарат.

Исключение составляет шестое направление – лингвистические экспертизы. В языкознании соответствующий специальный раздел отсутствует, поскольку квалифицированное проведение лингвистических экспертиз требует интеграции знаний из всех разделов языкознания и, соответственно, использования разнообразных методов исследования. Кроме того, объектом лингвистических экспертиз может служить любой дискурс, а не только юридический. Да и предмет экспертного исследования определяется его целью и задачами, которые характеризуются большим разнообразием. Отсюда следует, что лингвистические экспертизы являются особой областью исследований, которая существенно отличается от других направлений юридической лингвистики.

Методологическую основу лингвистических экспертиз, проводимых в судебных целях, предоставляет **судебное речеведение** – сравнительно новое научно-практическое направление, которое «интегрирует систему разнородных междисциплинарных знаний, включая методологию общей теории судебной экспертизы, теорию криминалистической идентификации и диагностики, навыки использования специальных экспертных методик и умение работать со специальным экспертным инструментарием, специально разработанным или приспособленным, запрограммированным для приложения в целях решения конкретных экспертных задач» [2, с. 689]. Методологической основой судебного речеведения является теория криминалистики и судебной экспертологии (Рис. 1).

Рисунок 1. Научно-методологическая основа судебных лингвистических экспертиз

Термин «речеведение» выбран для обозначения данного направления не случайно. Он получил распространение в России в середине XX века как обобщенное название исследований в области речевой деятельности и первоначально охватывал сферу педагогики и функциональной стилистики, а с середины 80-х годов начал активно использоваться в сфере речевых технологий, ориентированных на решение задач автоматического распознавания и синтеза речи. «Термин “речеведение” охватывает всю систему речи в целом, а не только сторону, связанную с тем, как передается лингвистическая информация посредством акустической волны... Отправным пунктом для речевода является индивид, его состояние, причины, побудившие его к общению, а также все приемы, способы, которыми он пользуется в акте коммуникации» [7, с. 4].

Объектом речеведения в широком понимании термина является речевое поведение человека под действием различных факторов, комплекс его речевых навыков в области устной и письменной речи, а также механизмы восприятия речи.

Цель судебного речеведения – разработка единой методологической основы для использования продуктов речевой деятельности как доказательств в судопроизводстве, а также для оценки достоверности результатов речеведческих исследований. «Доказательственная информация, полученная в результате проведения судебных экспертиз, дает возможность быстро и обоснованно выносить решения при рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел» [2, с. 689].

При этом необходимо различать судебное речеведение как научную дисциплину и судебно-экспертную деятельность (производство судебных речеведческих экспертиз), научно-методологическую базу которой и образует судебное речеведение (Рис. 1).

Объектом судебного речеведения являются научно-методологические подходы к извлечению доказательственной информации при исследовании продуктов речевой деятельности в интересах судопроизводства.

Объектом судебных речеведческих экспертиз являются продукты речевой деятельности – устные и письменные тексты, вовлекаемые в сферу судопроизводства [Там же, с. 692], зафиксированные на любом

материальном носителе и используемые в судопроизводстве в качестве источников доказательств. Такие продукты рассматриваются как речевые следы, подлежащие экспертному исследованию.

Предметная область судебного речеведения, как уже говорилось, определяется широким кругом практических задач судопроизводства. Лингвистический анализ, как отмечает Е. И. Галяшина, за последние 20 лет прочно вошел в практику судопроизводства не только в целях криминалистической идентификации и диагностики личности говорящего по фонограммам голоса и речи, установления автора спорного, анонимного или псевдоанонимного текста, но и для выявления всевозможных фальсификаций и мистификаций речевых произведений, выявления признаков монтажа, установления личностных характеристик говорящего или пишущего в момент речи, условий и обстоятельств речевой коммуникации в момент порождения речи и др. [Там же, с. 690].

В систематизированном виде всё многообразие проблем, при решении которых требуются речеведческие знания, представлено как одно из направлений судебно-экспертной деятельности, где выделен самостоятельный класс речеведческих экспертиз, включающий такие роды экспертиз, как автороведческая, лингвистическая и фоноскопическая экспертизы [15].

Цель автороведческих экспертиз – установление факта авторства текста (не только письменных произведений, печатных документов, но и компьютерных программ, фонограмм звучащих текстов, научных разработок). Автороведческая экспертиза нередко назначается в случае отказа в судебном заседании обвиняемого от так называемого чистосердечного признания, данного в рамках дознания или предварительного следствия, когда свидетель, обвиняемый отказываются от авторства ранее данных показаний, утверждая, что они даны с «чужих слов», а также в случае уголовно-правового преследования за такие преступления, как нарушение авторских и смежных прав, публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти и вражды, а равно унижение человеческого достоинства, а также незаконное распространение порнографических материалов или предметов, клевета, оскорбление, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, когда автор и исполнитель устного или письменного сообщения, составляющего объективную сторону преступления, – разные лица, при том, что автор неизвестен (анонимен, выступает под псевдонимом или от имени другого лица) и подлежит установлению.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении. В общем виде задачи лингвистических экспертиз сводятся к толкованию и разъяснению значений слов, словосочетаний, фразеологических выражений; выявлению их коннотативных значений; исследованию текста с целью определения его целевой направленности; исследованию товарных знаков, словесных обозначений, девизов, слоганов, рекламных текстов, коммерческих, фирменных наименований на предмет их тождественности или сходности до степени смешения с другими обозначениями, и др. [16].

Судебная фоноскопическая экспертиза проводится в целях установления личности говорящего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме, выявления признаков стирания, копирования, монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов, имеющих значение судебных доказательств. К числу основных задач фоноскопической экспертизы относятся идентификация и диагностика человека по голосу, а также отождествление звуко- и видеозаписывающей аппаратуры. К задачам, требующим наличия лингвистических знаний, относится диагностика особенностей коммуникативной ситуации, типов взаимодействия коммуникантов, темы разговора, половозрастных характеристик участников разговора, места жительства, уровня образования и речевой культуры, рода деятельности, профессии, места длительного проживания и т.п.

Как видим, предметная область речеведческих экспертиз разнородна, однако общим и основным для всех видов (родов) является наличие специальных знаний, касающихся, прежде всего, умений выявлять лингвистические признаки, имеющие доказательственное значение для судопроизводства, основанные на достоверных научных фактах и полученные с использованием верифицируемых экспертных методик. Помимо этого, к числу специальных относятся знания судебных процедур, а также принципов проведения экспертного исследования и подготовки экспертного заключения. Перечисленные специальные знания и составляют в основном предметную область судебного речеведения.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного нами исследования дают основание сделать вывод о том, что предметные области юридической лингвистики и судебного речеведения существенно отличаются друг от друга. Предметная область юридической лингвистики определяется видами профессиональной деятельности юристов. Предметная область судебного речеведения не ограничивается применением различного рода лингвистических знаний, а требует привлечения специальных методологических знаний.

Тот факт, что эти области пересекаются в сфере экспертной лингвистической деятельности, вовсе не означает, что судебное речеведение представляет собой часть юридической лингвистики, как это принято в российской традиции. Скорее, наоборот, юридическая лингвистика является периферией судебного речеведения, как это фактически признано в западной традиции, где ядро *forensic linguistics* образует именно судебно-экспертная деятельность.

В юридической лингвистике (при всем разнообразии ее предметной области) используются главным образом лингвистические методы исследования речевого материала, в то время как в судебном речеведении

(при всем многообразии объектов исследования) лингвистические методы применяются в неразрывном единстве с методами судебной экспертологии, вследствие чего результаты лингвистического анализа приобретают доказательственное значение. Осознание такого различия является важным фактором повышения качества лингвистических экспертиз.

Список источников

1. **Будаев Э. В.** Зарубежная юридическая лингвистика: становление и проблематика // Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: монография / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург: УГПУ, 2017. С. 7-61.
2. **Галяшина Е. И.** Феномен судебного речеведения // Лингвистическая полифония: сб. ст. в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 688-709.
3. **Глинская Н. П.** Современные исследования западной юридической лингвистики: новые проблемы и подходы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 152-158.
4. **Голев Н. Д.** Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. Вып. 1. Проблемы и перспективы. С. 12-59.
5. **Грачев М. А.** Проблемы становления и формирования лингвокриминалистики как науки // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4. Ч. 2. С. 497-500.
6. **Грачев М. А.** Специфика современной юридической лингвистики // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. II Международного симпозиума: в 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2018. Т. 1. С. 304-308.
7. **Златоустова Л. В., Потапова Р. К., Трунин-Донской В. Н.** Общая и прикладная фонетика: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1986. 304 с.
8. **Костенко М. А.** Правовая лингвистика в законотворческом процессе // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2005. № 9 (53).
9. **Костромичёва М. В.** Юридическая лингвистика: к вопросу о соотношении языка и права // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 3 (4). Ч. 2. С. 57-61.
10. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 658 с.
11. **Максимова С. Ю., Мацопа К. В.** Актуальные проблемы правовой лингвистики // Евразийский союз ученых. 2015. № 5 (14). Ч. 5. С. 130-132.
12. **Морараш М. М.** Введение в юридическую лингвистику // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. 2018. Т. 14. С. 376-382.
13. **Палашевская И. В.** Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5. Ч. 2. С. 535-540.
14. **Попова Е. В.** Природа судебного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 16 (194). С. 24-29.
15. **Россинская Е. Р.** Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2011. 736 с.
16. **Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.** Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М.: Проспект, 2010. 464 с.
17. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышёва. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 11. 926 с.; 1965. Т. 17. 1068 с.
18. **Тарланов З. К.** Юридическая лингвистика: учебное пособие. М.: Юрайт, 2018. 180 с.
19. **Хижняк С. П.** Объект и предмет юридической лингвистики // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: сб. ст. Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. С. Пашковской, Т. А. Румянцевой, Г. В. Вишневской. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2014. С. 68-72.
20. **Швец С. В.** Судебное языкознание // Российский криминалистический взгляд. 2008. № 4 (21). С. 19-25.
21. **Mellinkoff D.** The Language of the Law. Boston – Toronto: Little, Brown and Company, 1963. 526 p.
22. **Shuy R. W.** Linguistics and Terrorism Cases // The Routledge Handbook of Forensic Linguistics / ed. by M. Coulthard, A. Johnson. L.: Routledge, 2010. P. 558-575.
23. **Svartvik J.** The Evans Statements: A Case for Forensic Linguistics. Göteborg: University of Göteborg, 1968. 44 p.
24. **The Oxford Handbook of Language and Law** / ed. by P. M. Tiersma, L. M. Solan. Oxford: Oxford University Press, 2012. 641 p.
25. **The Routledge Handbook of Forensic Linguistics** / ed. by M. Coulthard, A. Johnson. L.: Routledge, 2010. 671 p.

**FORENSIC LINGUISTICS AND JUDICIAL SPEECH STUDIES:
CORRELATION OF OBJECTS AND SUBJECT AREAS**

Nadeina Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Chubina Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Kutafin Moscow State Law University
tanadeina@yandex.ru; chubina@mail.ru

In the article, differences between the subject areas of forensic linguistics and judicial speech studies are revealed. It is shown that the subject area of forensic linguistics in Russia is determined by the types of lawyers' professional activity, and the object is juridical discourse. The object of judicial speech studies can be any discourse, and the subject area is determined by a complex of special knowledge that allows identifying the linguistic features that have evidentiary value for legal proceedings, based on reliable scientific facts and obtained with the use of verified expert methods.

Key words and phrases: forensic linguistics; judicial linguistics; legal linguistics; juridical discourse; judicial speech studies.